

Лапшина Ирина Владимировна, Алексеева Анна Владимировна

[ПРИМЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ В ЭТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/1-2/20.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 59-62. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/1-2/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 17

*Ирина Владимировна Лапина, Анна Владимировна Алексеева
Таганрогский государственный педагогический институт
Таганрогский технологический институт Южного федерального университета*

ПРИМЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ В ЭТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА©

Вначале отметим, что понятием этические нормы именуется тоже, что моральные или нравственные нормы. Социальное пространство жизнедеятельности индивида наполняют духовные процессы, основанные на морали, нравственности и добродетелях, что в целом составляет этическое измерение его жизни. Мы попытаемся в данной статье показать роль принуждения в этическом измерении жизнедеятельности человека. Известно, что мораль, начиная с греческой античности, понималась как мера господства человека над самим собой, она показывала насколько человек в ответе за то, что он совершает. Способность человека господствовать над самим собой свидетельствует в пользу того, что разум преобладает над страстями.

Исследуя вопрос руководящего разума над страстными порывами человека, мы обратимся к мнению философов Античного периода. Философ Античности Платон описывал представления Сократа о жизни, и при этом он указывал на то, что в жизни человек попадает «под воздействием обстоятельств, которые могут быть для индивида роковыми или удачными, но всегда остаются по отношению к нему внешними». Жизнь должна выражаться в «понятиях доброго, прекрасного и справедливого». Под внешне-ограничивающими факторами мы понимаем компонент внешнего прямого или косвенного принуждения в жизни человека с позиции его практического бытия. В трактате «Гиппий Большой» Платон приводит читателю диалог Сократа с Полем:

«Сократ...нести кару - значит что-то испытывать или же действовать?»

Пол. Непременно испытывать, Сократ.

Сократ. Но испытывать под чьим-то воздействием?

Пол. А как же иначе? Под воздействием того, кто карает. Сократ. А кто карает по заслугам, карает справедливо?

Пол. Да.

Сократ. Справедливость он творит или несправедливость?

Пол. Справедливость.

Сократ. Значит, тот, кого карают, страдает по справедливости, неся свое наказание?

Пол. Видимо, так. Сократ. Но мы, кажется, согласимся с тобою, что все справедливое - прекрасно?

Пол. Да, конечно.

Сократ. Стало быть, один из них совершает прекрасное действие, а другой испытывает на себе - тот, кого наказывают.

Пол. Да.

Сократ. А раз прекрасное - значит, и благое? Ведь прекрасное - значит, и благое? Ведь прекрасное либо приятно, либо полезно.

Пол. Непременно.

Сократ. Стало быть, наказание - благо для того, кто его несет.

Пол. Похоже, что так» [17].

В этом диалоге мы видим, как посредством последовательных умозаключений, Платон устами Сократа подводит читателя к мысли, что справедливое наказание, которое в целом можно рассматривать как понуждающее воздействие со стороны карательного органа (возможно государственного уровня) может быть правомерно и добродетельно. Также мы можем сказать о том, что наказание, как понуждающее действие, может иметь характер в целом и добродетельный по отношению к наказываемому, поскольку может способствовать восстановлению индивида в социальном пространстве общества.

Древнегреческий философ Эпикур, исследуя сущность человеческой природы, отмечал, что «...следует полагать, что природу нашу многому и разнообразному научили понуждающие обстоятельства, а разум потом совершенствовал полученное от природы и дополнял его новыми открытиями – то быстрее, то медленнее, в некоторые времена больше, в некоторые меньше...» [21]. Логичным будет добавить, что все деяния человека должны быть опосредованы разумом и рациональным поведением. Причем, выбор этот должен быть основан на свободном и непринужденном предпочтении и сопровождаться пониманием того, к каким последствиям эти действия могут привести.

Римский философ Античности Тит Лукреций Кар в своих наблюдениях солидарен с Эпикуром отмечая: «Но копь и разум, а с ним и природа вещей принуждают...» и далее, там же в поэме «О природе вещей» он отмечал:

«... природа блюдет, чтоб вещей совокупность предела
Ставить себе не могла: пустоту она делает гранью
Телу, а тело она ограждать пустоту принуждает...» [12].

Заметим, что этические теории исследовались философами, как Античности, так и современности. Под этикой понимается свод правил поведения и специфических ситуаций, которые представляют собой приложение к общим теоретическим положениям. Практическая этика, например, с позиций римских стоиков заключалась в выявлении из общих этических правил таких поведенческих рецептов деятельности, которые можно было бы применить в отдельно взятых конкретных жизненных ситуациях. Известно, что традиция создания этических правил поведения из античной этики перешла в христианскую. Философы стоики рассматривали добродетели с позиции добродетельной жизни и понимали как «совершенно надлежащие».

Добродетели, которые исследовались стоиками: рассудительность, мужество, справедливость, благоразумие и воздержанность. Интересна воздержанность, которая связывалась философами с умеренностью. Во всем должна быть мера: «где нет меры, там и срок короток, если только не наложит узы укротитель-разум. Свидетельство этому – судьба многих народов, чья власть пала в полном расцвете, потому что все, накопленное добродетелью, погубила неумеренность» [18]. Воздержанность в желаниях, которая нашла свое воплощение именно в повседневной жизни, должна была властвовать над человеком, сдерживая его в его поступках. С господством воздержанности связывает, например, римский стоик Сенека «золотой век» человечества.

Выявляя исторические корни понятия судьбы, следует сказать, что данная категория исследовалась очень многими аналитиками как древности, так и современности. Ранние стоики, исследуя категорию, связывали понятие судьбы с неизбежностью. «Неизбежностью они называют неодолимую и принуждающую причину, а судьбой – упорядоченное сплетение причин, причем в этом сплетении и от нас зависит, чтобы одно выпадало (нам), а другое не выпадало» [20].

Добродетели рассматривались философами античности как искусство, которое выражалось не только в знании того, что есть благо, а в том, как разумно строить свое поведение. Если человек познал благо, то он сознательно должен избирать его. Разумная жизнь должна сочетать в себе и умозрение, и деятельность [11]. Следует сказать, что философы, в основном говоря о добродетелях, соотносили их с поступками мудрых. Простой же человек в своих действиях спонтанен, хотя нельзя не заметить, что в ряде своих действий он может поступать добродетельно, т.е. в конкретных жизненных ситуациях самопринуждая себя к этому.

У Аристотеля в трактате «Никомахова этика» мы находим, что нравственные «...добродетели существуют в нас не от природы и не вопреки природе, но приобрести их для нас естественно, а благодаря приучению (*diatou ethous*) мы в них совершенствуемся» [1, с. 9]. Так, по мысли философа, возникает необходимость в «приучении» человека к добродетельным поступкам, а любой способ приучения, на наш взгляд, жиждется на наставлении того, кто попадает в поле данного способа обучения. Более того, добродетельное государство, по наблюдению философа состоит в том, чтобы законодатели приучали граждан к исполнению закона делая, таким образом, их добродетельными [Там же].

Первоначально в поведении человека нет предзаданности, т.е. изначально заданной программы, хотя сторонники направления посвященного изучению генома человека могут не согласиться с данным суждением. В частности, в том плане, что вся информация о человеке закодирована в структуре спирально закрученной ДНК. Сегодня ученые пытаются представить зашифрованную в ДНК человека информацию компьютерным кодом в виде нулей и единиц. В таком случае, где же этический аспект? Т.е. фактически необходимо разрабатывать (в будущем) неозетику, которая в рамках роботизированного подхода должна все же учитывать неповторимость и индивидуальность каждого члена общества.

В наши дни, как в прочем и в былые времена, человек вынужден выбирать тип поведения. Эта вынужденность (фактически самозаставляемость) и являет собой пример внешне принудительного аспекта в жизнедеятельности человека.

Аристотель, исследуя проблему присутствия принуждения в поступках человека, заверяет нас: «...непроизвольны или произвольны поступки, которые совершаются из страха перед достаточно тяжкими бедами или ради чего-либо нравственно прекрасного... [но все же] цель поступка зависит от определенных условий (*kata ton kairos*)» и там же «Но иногда трудно рассудить, какой поступок какому следует предпочесть и что во имя чего вынести, а еще труднее держаться (*emmeinai*) того, что нам заведомо известно, ведь, как правило, либо нас ожидает страдание, либо принуждение к постыдным [действиям]; вот почему хвалу и осуждение получают в зависимости от того, по принуждению или нет, совершен поступок. Если сказать, что поступки, доставляющие удовольствие и прекрасные, подневольны, - ведь, будучи вне нас, удовольствие и прекрасное принуждают, - то тогда, пожалуй, все поступки окажутся подневольными, потому что мы все делаем ради удовольствия и прекрасного» [Там же, кн. III, с. 15].

Говоря о добродетели – мужестве, Аристотель указывает на то, что воин не должен быть мужественным по принуждению. Законодателям же должно использовать принуждение к добродетели во имя прекрасного «...ибо добрый человек, соотносящий свою жизнь с нравственной красотой, будет повиноваться суждению, а дурной в стремлении к удовольствию обуздывается страданием, словно скот ярмом» [Там же, кн. X, с. 81].

В средние века истории развития социальных отношений в обществе, например, согласно суждения христианского богослова и политика Августина, причина ухудшения человека вытекает из воли его, происходящей с Божьего попущения, и вследствие попущения нечистого духа. Далее, скажем, что Ф. Аквинский различал принуждение и естественную необходимость. Воля не может быть принуждена ни к чему в своем действии: добровольное деяние совершается по склонности воли к своему предмету, и потому принужденная воля по определению невозможна. Воля в своих действиях свободна от необходимости, иначе относительно человека мы не могли бы говорить об ответственности и заслугах, а это уничтожило бы моральную жизнь [9].

В эпоху Возрождения Лоренцо Валла итальянский гуманист, один из наиболее ярких мыслителей XV в., в трактате «Об истинном и ложном благе. О свободе воли» писал: «... душа человеческая никогда не сможет по принуждению полюбить добродетели: смотри, как бы она (их) скорее не возненавидела. Может быть, случайно всех самых ученых (людей) более всего секли» [10, с. 80]. Принуждать людей можно и настойчивостью к согласию. Анализируя категорию необходимость, философ писал, о том, что «необходимо быть» - это значит, что совершать, что либо по принуждению и даже насильно, т.е. прибывать в тисках необходимости [Там же, с. 366].

Основная идея гения итальянского Возрождения Н. Макиавелли – это необходимость в сильном и активном деятеле, способном к разумному, самостоятельному поведению – решительной личности, властителю, обладающему поддержкой народа, способному к решительным действиям, направленным на объединение страны. Макиавелли пугала политическая и военная слабость Италии, поэтому он защищал применение государем циничной политики. Ставя вопрос, какими путями и способами правитель сможет укрепить власть, Макиавелли описывает в качестве образца для подражания методы современных ему итальянских тиранов – насилие, хитрость, лицемерие, ложь. Эти средства по его мнению оправданы, если они помогут государю достичь поставленной цели. «Опыт нашего времени показывает, - утверждает Макиавелли, - что великие дела творили как раз государи, которые мало считались с обещаниями, умели хитростью кружить людям головы и в конце концов одолели тех, кто полагался на честность... Государю необходимо обладать духом настолько гибким, чтобы принимать направление, указываемое веяниями и превратностями судьбы, и, как я отметил выше, не уклоняться от пути добра, если это возможно, но уметь вступать и на путь зла, если это необходимо» [4]. Италия переживала экономическую и политическую раздробленность, она не являлась сильным государством и не имела единой королевской власти. Экономически развитые города-государства Италии являлись между собою конкурентами и ожесточенно соперничали на внешнем рынке, вели беспощадную войну друг с другом. Макиавелли создавал произведение «Государь» в эпоху кризиса: упала нравственность, оборона была поручена наемникам, разрушавшим городские финансы. Раздробленная Италия превратилась в арену борьбы между Францией и Испанией за европейскую гегемонию. Мыслитель ориентировался на рациональное научное описание политической жизни, освобожденное от религиозных догм и морали, раскрывая суть сложившейся ситуации. Макиавелли создал образ, как отмечает российский философ Л. М. Баткин, «нетрадиционалистского индивида», т.к. в «традиционалистском обществе нет «ролей», которые не сливались бы с человеком в целом. Конечно, у него это вовсе не субъект нравственности, но – субъект. Но суверенный индивид, который поступает так, как он считает нужным, считаясь только со своими целями, опытом, разумением» [3]. Макиавелли на страницах «Государя» поднимает проблему индивидуальной самодостаточности, независимости, силы. Он создает образ индивида, готового действовать рационально, положившись только на себя. Обратимся к некоторым моментам трактата «Государь», подтверждающим эти утверждения. Автор раскрывает механизм осуществления власти в суровых условиях своей эпохи, он игнорирует соображение добра, например: «государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности» [15, с. 90]; жестокости: «государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости»; внушение страха: «государь должен внушать страх таким образом, чтобы, если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти»; о борьбе с врагом: «с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой», «...разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание» [Там же, с. 93–94, 97].

«Автор «Государя» ничего не выдумывал и ни на чем не настаивал – замечает Э. Я. Баталов. – Будучи хорошо осведомлен о политическом ремесле современных ему властителей: в таких-то случаях принято убивать, в таких-то случаях истреблять род до седьмого колена, в таких-то сравнивать неприятельский город с землей... Иначе говоря, он описывал технологию властвования, какой она была на самом деле» [2]. «Государь» - это свод практических рекомендаций и советов по укреплению режима личной власти, исключительно прагматичных по своему характеру: истинно то, что полезно. Отличительной особенностью советов Макиавелли, несомненно, является отождествление истинного с практически полезным, выгодным для сохранения власти и государства.

Далее, представитель философской мысли эпохи Возрождения философ М. Монтень утверждал, что время и привычки действуют намного сильнее, чем принуждение. Приведем следующее суждение автора в «Опытах»: «В суровости и принуждении есть нечто рабское, и я нахожу, что того, чего нельзя сделать с помощью разума, осмотрительности и умения, нельзя добиться и силой» [16].

Так же, как и многие философы, Монтень исследовал категорию «необходимость» и утверждал, что человек вынужден действовать в связи с естественной и неизбежной необходимостью.

В Новое время английский философ, общественный и государственный деятель Дж. Локк, в трактате «О государственном правлении» рассматривал категорию - естественное право и указывал на то, что всех членов общества необходимо сдерживать от посягательств на права других и от нанесения ущерба друг другу [13]. Видимо, в случае варианта свершения противоправного деяния помимо варианта самостоятельного по собственной воле признания вины, также существуют и варианты принудительного решения вопроса. Кроме того, автор трактата отмечает, что каждый член общества обладает правом наказания нарушителей закона безопасности и в: «...естественном состоянии один человек обладает властью над другими, но ему не дано полной или не ограниченной власти над преступником, когда тот оказывается у него в руках» [Там же]. В «Письме о веротерпимости» важнейшей мыслью философа было выступление против традиционного представления о том, что светская власть вправе насаждать истинную мораль и истинную веру. Он писал, что силой, (видимо также используя принудительные механизмы) можно заставить людей только притворяться, но никак не верить. А укрепление нравственности (в том, что не затрагивает безопасность страны и сохранение мира) – это обязанность не государства, а церкви. И снова обратимся к воззрениям Дж. Локка, который в работе «Опыт веротерпимости» анализировал варианты руководства государством и указывал на то, что никого не следует заставлять отказываться от своего мнения или сменять его на противоположное. Потому что на деле, такие принудительные мероприятия не достигнут цели, ради которой их использовали. Более того, подобные методы не смогут изменить образ мыслей людей. На этом пути правитель весьма далек от того, чтобы люди прониклись правотой его представлений. «Мало того, такое принуждение вовсе не способствует спокойствию или безопасности правительства; скорее наоборот, потому что тот, кто ему подвергся, ни на йоту не приближается к образу мыслей правителя, но становится еще большим его врагом» [14].

Итак, исходя из проанализированных примеров принуждения в этическом мировосприятии индивида, а точнее в трудах философов Античности, Возрождения и Нового времени, мы получили следующие выводы:

Во-первых, принуждение занимало значительное место в жизнедеятельности человека всегда. И в том случае, когда его действия представляли собой защиту от природных катастроф (в ранние исторические периоды от кары божьей) и вплоть до его впечатлений, основанных на суждении о добродетельном поведении (поскольку к добродетельному поведению индивид либо самопринуждает себя, либо попадает под поле воздействия внешнего плана, например со стороны правителя). Во-вторых, в указанные исторические периоды, человек был вынужден постоянно находиться в поле осознанной необходимости, которая обладала мощным принудительным потенциалом. В-третьих, человек в указанные исторические периоды истории был вынужден соблюдать ограничения, которые на него накладывало принуждение, сопровождающее все сферы его жизнедеятельности (поскольку мы выявили их наличие даже в этическом плане), причем подобное действие в некоторой степени снижало степень проявления доброй воли и чувств. Однако нельзя не учитывать того, что высшее благо может зародиться только в разумной душе, в результате самостоятельного выбора индивидом той или иной добродетели.

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика // Философы Греции / пер. Н. Брагинской. М., 1997.
2. Баталов Э. Я. Политическое – слишком «человеческое» // Полис. 1995. № 5. С. 6.
3. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. С. 216.
4. Всемирная история. М., 1958. С. 116.
5. Там же. Кн. III. С. 15.
6. Там же. Кн. X. С. 81.
7. Там же. С. 366.
8. Там же. С. 93-94, 97.
9. Гусейнов А. А. История этических учений. Этика Фомы Аквинского. Воля и интеллект [Электронный ресурс]. URL: http://society.polbu.ru/guseinov_ethichistory/ch73_i.html
10. Вала Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли / пер. с лат. В. А. Андрушко, Н. В. Ревякина, Х. Черняка. М., 1989.
11. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М. Л. Гаспарова. М., 1979. С. 7, 130.
12. Кар Тит Лукреций. О природе вещей / пер. с лат. М., 1983. С. 32, 51.
13. Локк Дж. Избранные философские произведения: в 2-х т. М., 1960. Т. 2. О государственном правлении. С. 8.
14. Локк Дж. Опыт веротерпимости // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 72.
15. Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Сочинения. М.- Харьков, 1999.
16. Монтень М. Опыты. М., 1992. Кн. I. С. 254.
17. Платон. Гиппий Большой // Платон. Соч.: в 3 т. М., 1968. Т. 1. С. 298.
18. Титаренко И. Н. Философия Луция Аннея Сенеки и ее связь с учением Ранней Стои. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2002. С. 163.
19. Фрагменты ранних стоиков // Собр. И. фон Арнима / пер. и коммент. А. А. Столярова. М., 1998. Т. 1. Зенон и его ученики.
20. Там же. Т. 2. Хрисипп из Сол. Ч. 1. М., 1999. С. 976.
21. Эпикур // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. М., 1986. С. 280.